

Регулирование требований об убытках в Гражданском кодексе Российской Федерации и Принципах европейского контрактного и деликтного права

Ю.Э. Монастырский

Доцент, Севастопольский государственный университет, доктор юридических наук.
Адрес: 299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является описание важных правовых граней главного вида имущественной ответственности (убытков) в сравнительно-правовом аспекте. Понятие ответственности является ключевым в науке гражданского права. Его универсальное значение заключается в монетизации чужих отрицательных имущественных последствий и возложении их финансовых результатов на причастного субъекта. В исследовании излагаются основные положения данного правового института в России и европейских странах. На заре цивилизации ответственность заключалась в реакции на несоблюдение правовых предписаний и выступала в виде штрафа, налагаемого в кратном от стоимости утраты размере. По мере развития общества денежная репрессия уже классифицировалась на гражданско- и уголовно-правовую, на являющуюся ответом на личную обиду и вызываемую неисполнением имущественных обязанностей — договорных и внедоговорных. Вместе с тем неустойка не всегда обеспечивала восстановление финансового состояния и одновременно создавала предпосылки для злоупотреблений. В итоге получил распространение другой способ защиты субъективных прав — возмещение убытков. Кроме того, в профессиональный обиход вошла правовая категория упущенной выгоды, как важный компонент убытков. В законодательстве был заложен механизм развития упомянутого инструмента, так как он определялся и как «будущие расходы на восстановление нарушенного права». К сожалению, этим активно не пользуются участники судебных процессов, а судьи пока не воспринимают такого широкого понимания возможных убытков. В исследовании получило отражение сопоставление отечественной и европейской концепций по этому поводу. Важным экономическим параметром постиндустриального общества, а также и основополагающим его критерием выступает структура валового внутреннего продукта с преобладающей долей услуг. Их производители несут более строгую гражданско-правовую ответственность, поскольку присуждаются к возмещению и за правомерный выход из договора с заказчиками, тогда как правовая традиция заключается в присуждении, только если лицо действовало неправомерно. В связи с этим в исследовании делается вывод о возрастании значения института убытков и его новой роли.

Ключевые слова

ответственность, убытки, вина, гражданское право, PCTL, PECL, реальный ущерб, упущенная выгода, исполнение обязательства в натуре.

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Монастырский Ю.Э. Регулирование требований об убытках в Гражданском кодексе РФ и Принципах европейского контрактного и деликтного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 87–108.

УДК: 347

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.87.108

Введение

Целью настоящей работы является описание важных правовых граней главного вида имущественной ответственности (убытков) в сравнительно-правовом аспекте. В связи с развитием экономического оборота, сопровождающегося воспроизводством и приумножением материальных благ, законодатель, суды, юридическая наука должны искать адекватные правовые механизмы и средства регулирования. Применение всего спектра предоставляемых законодателем возможностей зависит от качества юридического воздействия, востребованности и эффективности этих правовых приемов, большинство из которых необходимо для восстановления нарушенных субъективных гражданских прав. Ведущую роль среди них играет возмещение убытков, которые национальные правовые порядки регулируют по-разному. Вместе с тем потенциал этого универсального юридического инструмента по ряду причин раскрыт правоприменителями не в полной мере.

На первый взгляд, институт убытков кажется нетрадиционным для континентальной правовой системы. Восстановительная функция гражданского права понимается в ее рамках, прежде всего, как исполнение обязательства в натуре, т.е. в том виде, в котором оно возникло в силу юридических фактов. При этом в условиях динамичной правовой и коммерческой среды подобные действия (бездействие) со стороны ответчика нередко уже не представляют для потерпевшего значительной ценности. Для таких случаев подходит только денежное удовлетворение как единственно приемлемый способ компенсации утраченного имущества или замены неполученных материальных благ.

Соответственно, возмещение убытков в постиндустриальных странах объективно становится основным средством охраны субъективных гражданских

данских прав. Вместе с тем, органы, разрешающие споры, не справляются с применением данного правового института и в некоторых случаях либо отказывают в соответствующих исках, либо по различным причинам уменьшают взыскиваемые суммы. Дает о себе знать и доктринальная неопределенность в отношении места удовлетворения требований об убытках в системе охраны индивидуальных прав, служащей основной цели правового регулирования, а именно, восстановлению прежнего имущественного состояния.

1. Основные черты гражданско-правового регулирования убытков в континентальной Европе

Доктринальное исследование, особенно сложных вопросов, обычно выигрывает от сравнительного анализа на основе сопоставления с опытом правового регулирования и доктриной в других странах. Это стимулирует плодотворное размышление и помогает прийти к конструктивным выводам. Считалось, например, что учебные пособия тем лучше и содержательнее, чем большую информацию о сходном урегулировании тех или иных юридических проблем они несут. Очерки о неустойках в гражданском праве можно сопровождать данными о том, какие ставки применяются где-то в Китае или Индонезии по аналогичному кругу случаев. Но произведения авторов разных стран, пишущих, например, о новых достижениях в раскрытии тайны атомного ядра, будут обладать совсем другой непосредственной ценностью, чем информация о правовых открытиях не просто в другом государстве, но и в правовом порядке иного типа при другой экономической формации, политическом строе и при иной степени влияния самобытности на правовую систему. Есть разный уровень проникновения культур в право. Например, технологически наиболее продвинутая страна — Япония — лишь в небольшой степени связывает свое развитие с ролью права в его западном понимании. И такое невнимание к юридическому регулированию вовсе не фатально. В частности, в этой стране почти нет тяжких преступлений. Японская доктрина по уголовно-правовой реакции на убийства не будет содержательной. Для ее развития и наполнения не имеется материала, появляющегося на печальном опыте.

Итак, следует подчеркнуть, что сравнительное исследование приносит максимальную пользу, если нормы, послужившие его предметом, исходят, во-первых, из близкой в силу истории и цивилизационного развития культуры, во-вторых, от более высокоразвитого правового порядка и общества. Некоторые страны родственны нам в культурном отношении, как-то: Сербия, Черногория, Болгария, Украина. Но здесь правовая наука (по количеству ученых, публикаций и т.п.) не достигла того уровня развития, который позволил бы ей генерировать, анализировать и обсуждать передовые научные идеи.

Наибольшую ценность представляют законодательства государств, юриспруденция которых была ориентиром для основоположников российского гражданского права и затем послужила источником обмена взглядами по той или иной проблематике через общение и публикации. Речь идет, без сомнения, о странах континентальной Европы, использующих кодифицированное гражданское право.

На втором месте находится Великобритания — страна с глубочайшими юридическими традициями, но кардинально другой правовой системой, в которой при ответе на новый юридический вопрос можно не обращаться к закону, принятому парламентом, и далее опираться на авторитетное толкование, а исходить из вычлененных смысловых частей решений судов, принятых в прошлом, иногда весьма отдаленном. Структура и терминология рассуждений при урегулировании важных общественных явлений здесь будут принципиально иными, но для сравнительного исследования любопытными и полезными. Великобритания выходит из ЕС, но ее правовые наработки остаются включенными в законодательства его стран.

Впрочем, если вести речь о заимствовании опыта, приоритет, если не монополия, должен принадлежать юриспруденции стран континентальной Европы. В этом регионе приняты следующие унифицированные акты для имплементации во внутреннее законодательство: Принципы европейского договорного права (*Principles of European Contract Law* (далее — *PECL*)) [Hesselink M., 2001: 9–22], опубликованные в 1995, 1999 и 2002 гг.¹, Принципы деликтного права (*Principles of European Tort Law* (далее — *PETL*)) [Кочиоль Х., 2017: 189–267], изданные в 2005 г.², и Модельные правила европейского частного права (*Draft Common Frame of Reference (DCFR)*) (2009)³. Они считаются наиболее совершенными, вобравшими в себя лучшие достижения юридической мысли документами. Более ранний авторитетный кодифицированный текст — Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (*Principles of International Commercial Contracts* (далее — *PICC*)), опубликованные в 1994, 2004, 2010 и 2016 гг.⁴ Соглашения, основанные на них, широко используются в международных третейских разбирательствах. Но основу предлагаемых для заимствования норм об убытках еще раньше заложила Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (*Convention on Contracts for the International Sale of Goods* (далее — *CISG*)) (Вена, 11.04.1980). Перечисленные источники в вопросах убытков

¹ Available at: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/ (дата обращения: 17.05.2021)

² Available at: <http://www.egtl.org/PETLEnglish.html> (дата обращения: 17.05.2021)

³ Available at: https://www.trans-lex.org/400725/_/outline-edition-/ (дата обращения: 17.05.2021)

⁴ О некоторых тенденциях, связанных с *PICC*, см.: [Michaels R., 2014].

представляют собой компромисс между устоявшимися воззрениями системы *common law* и решениями романо-германского (континентального) права. Они вполне применимы к внешнеэкономическим сделкам российских субъектов. Важно, что из пяти названных документов три предназначены для договорных отношений сторон, а один посвящен деликтам.

Начнем с особенностей регулирования убытков в европейских государствах. Существуют различия между тем, когда компенсируется неисполнение договора, и тем, когда ущерб причинен деликтом. В первом случае действует базовый принцип безвиновной ответственности. Должник платит всегда, независимо от того, проявил он неосторожность или нет. *PECL* применяются и к бытовым сделкам.

*PICC*⁵ и *CISG*⁶ написаны для коммерсантов. Ответственность, помимо небрежности и умысла, зафиксирована в них несколькими ключевыми фразами. В российском законодательстве вина составляет неременное условие наложения санкций, если повреждена вещь или не исполнен договор. Российские предприниматели обязаны покрыть убытки независимо от проявленной ими *dolus* или *culpa*. Их ответственность даже строже, чем в Европе, и вот почему. Лица, ставящие перед собой, прежде всего, цель извлечения прибыли, не платят убытки, появившиеся только вследствие непредотвратимых событий. События, по преобладающей точке зрения, должны быть и чрезвычайными, т.е. если явление нельзя определить как редкое, хотя никакими мерами его губительный эффект не остановить, предприниматель должен нести обязанность по компенсации даже неполученного. Забастовка может быть непредотвратимой, но ее, скорее всего, нельзя будет назвать чрезвычайным событием.

Европейцы освобождаются от ответственности при куда более широком круге обстоятельств, которые всего лишь находятся «вне контроля должника»⁷ и которые он не мог предвидеть. Соответствующие положения

⁵ На официальном сайте УНИДРУА отмечается, что целью ограничения сферы действия именно коммерческим характером (*commercial contracts*) регулируемых данным актом контрактов является обособление от области потребительского права (*consumer transactions*), имеющего свои собственные специфические черты. Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (дата обращения: 10.02.2020)

⁶ Статья 1 *CISG* указывает именно на коммерческое предприятие сторон, а ст. 2 этой же Конвенции выводит из сферы регулирования отношения по приобретению товара для личного, семейного и домашнего использования. Available at: <https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/sales/cisg/V1056997-CISG-e-book.pdf> (дата обращения: 10.02.2020)

⁷ На официальном сайте УНИДРУА отмечается, что концепт «*force majeure*» не является тождественным ни одной из доктрин, принятых в странах общего и континентального права, определяющих в том или ином объеме содержание непреодолимой силы (форс-мажора) как обстоятельства, исключаящего ответственность. Напротив, данный термин был принят исключительно в силу его широкой известности в международном торговом обороте.

имеются в *CISG*, *PICC*, *PECL*⁸. В данную категорию, скорее всего, попадают отключение электричества, обвал валютного курса и особенно непредвидимые действия третьих лиц. Между тем, такая формула дает простор для усмотрения суда в каждом отдельном случае.

Но совсем другой подход принят в Европе при присуждении убытков вследствие деликтов. Главным основанием для этого являются вина, опасная деятельность⁹, в чем бы она ни состояла¹⁰, а также отдельно любые действия подчиненного без упоминания о вине, но только о неследовании требуемым стандартам поведения¹¹. Так, использование вредных удобрений, могущих вызвать заболевание скота, — это пример не эпизода с «источником повышенной опасности», но ответственности, которую эти манипуляции как рискованное поведение создают¹². Увесистый предмет, оставленный на подоконнике, — еще одна иллюстрация такого чреватого вредом действия [Кочиоль Х., 2017: 251].

Вред не возмещается, тем не менее, в следующих случаях: если причинитель защищался (самооборона), действовал по необходимости, пытаясь себе помочь, если он наделялся соответствующей компетенцией властями, если что-либо предпринимал с согласия потерпевшего или если последний принял на себя риск вреда в силу законного уполномочия — такого, как лицензия. Соответственно, во всех ситуациях, вызванных необходимостью, когда деликвент «действовал легитимно»¹³, его ответственность остается на усмотрение суда, которое может проявиться в снижении размера убытков «в экстраординарных случаях»¹⁴. Освобождение от так называемой строгой ответственности также обеспечивают прямо названный форс-мажор или

Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016>
(дата обращения: 10.02.2020)

⁸ Так, в ст. 79(1) *CISG* указывается: «Сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий». Аналогичные формулировки содержатся в ст. 7.1.7 *PICC*, ст. 8:108(1) *PECL*. См. также: [Hesselink M., 2001].

⁹ О сфере регулирования строгой ответственности (strict liability) в *PETL* см.: European Group on Tort Law. Principles of European Tort Law: Text and Commentary. Vienna, 2005. P. 101–110.

¹⁰ Art. 1:101(2) *PETL*.

¹¹ Art. 6:102(1) *PETL*.

¹² Например, в отношении вреда жизни указывается, что «когда действия являлись причиной... вопрос о том, следует ли и до какой степени возлагать ущерб на лицо, зависит от таких факторов, как... степень обычных жизненных рисков» (ст. 3:201 *PETL*).

¹³ Art. 7:101(1) *PETL*.

¹⁴ Art. 7:101(3) *PETL*.

действия третьего лица¹⁵, а не обстоятельства вне контроля, как в случаях с договорными санкциями. Такой подход и интересен, и может послужить материалом для заимствования.

Согласно обсуждаемым документам при неисполнении договорных обязательств в отсутствие обстоятельств вне контроля должника наступает его ответственность. Ничего не говорится о причинной связи, вине, необходимости их доказывания. Ни *PECL*, ни *PICC*, ни, тем более, *CISG* с ее узкой сферой регулирования купли-продажи, к тому же и не всех движимых вещей, не содержат общих и базовых статей о неосторожности, умысле и каузальности поведения нарушителя. В *PICC* размер убытков снижается не просто за проявление вины кредитора в непринятии мер в деле недопущения снижения убытков, но и по причине наступления обстоятельств, риск которых лежит на потерпевшем¹⁶.

Совсем другое регулирование мы находим в сфере деликтных требований в *PETL*. Здесь установлена необходимость причинной связи как *conditio sine qua non*¹⁷. По ней имеется ряд исключений, состоящих отдельно в последующей, альтернативной, потенциальной, неопределенной и частичной причинности (ст. 3:102–3:106 *PETL*). Они в основном относятся к совместному причинению ущерба. Вина кредитора — предпосылка не только снижения размера взыскания, но и исключения его вовсе¹⁸. В *PETL* более широкая трактовка, которая предполагает и возможность учета рисков, находящихся в сфере влияния потерпевшего. Любопытно кардинальное отличие от привычной в нашем деликтном праве презумпции виновности. Исходя из последней, вину ответчика нужно доказывать потерпевшему, и суд лишь в отдельных случаях может возложить обязанность обосновывать ее отсутствие на причинителя¹⁹.

Подходим к изложению самой главной особенности европейского права, сложившегося под воздействием английского и французского влияния. Свое наивысшее выражение это влияние находит в институте предвидимости убытков. Во Франции, например, нарушитель должен был осознавать характер наносимых убытков и их величину [Nicholas B., 1992: 230–231]. Некоторые авторы утверждали, что такая ожидаемость относится к разновид-

¹⁵ Art. 7:102(1) *PETL*.

¹⁶ Art. 7.4.7 *PICC*.

¹⁷ Art. 3:101 *PETL*.

¹⁸ Согласно ст. 8:101(1), «ответственность может быть исключена или уменьшена... с учетом виновного содействия пострадавшего или по другим причинам, которые относились бы к установлению либо снижению ответственности самого пострадавшего, если бы он сам был причинителем вреда».

¹⁹ В соответствии со ст. 4:201(1) *PETL*, «время доказывания относительно вины может быть перенесено в свете серьезности опасности, которую представляет эта деятельность».

ностям ущерба, например, от крупных потерь, связанных с восстановлением или возмещением стоимости утраченного [Komarov A., 2008: 245–264].

Еще в XIX в. считали, что хранитель не должен возмещать цену украденных драгоценностей, если их стоимость не была ему объявлена²⁰. Предвидимость убытков тогда присоединяли, в первую очередь, к обстоятельствам причинения вреда. Например, физическое увечье или повреждение голосовых связок из-за неотапливаемых помещений гостиницы, занимаемых тенором, лишившее его заработка от концертов, не делает его финансовые потери в полной мере возлагаемыми на владельца гостиницы. Предвидимость, если брать допустимое общеевропейское значение, появляется уже в *CISG* в 1980 г., где утверждается: нарушитель договора возмещает лишь такой объем утрат, который может быть им разумно предвидим, и — что интересно — в момент «подписания договора»²¹.

В *PICC*, в соответствии с авторитетным разъяснением, это ограничение не затрагивается также виной нарушителя в виде небрежности, но не умысла²². В *PECL* предвидимость не учитывается в случае намеренности и грубой неосторожности ответчика²³. Она рассматривается как один из факторов, учитывающих степень причиненного вреда. При этом предвидимость и разумность зависят от других критериев — причинно-следственной связи и вины²⁴. Вот здесь и проявляется в высокой степени влияние постулатов англосаксонского права.

Другая ключевая и главная особенность регулирования деликтов заключается в том, что они ввиду английского и французского влияния причиняются не личности либо имуществу, как в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ), а интересу, который выступает как универсальный объект правовой защиты. Он может состоять в охране жизни, здоровья, свободы, имущественных прав, чистых экономических убытков, договорных отношений, вещей и т.д. Есть подробная детализация объектов того, в чем может проявлять себя интерес, и список этот открытый (ст. 2:102 *PETL*)²⁵.

²⁰ О соотношении категорий предвидимости размера и вида убытков см.: [Сераков В.В., 2016: 159–184]; [Komarov A., 2008: 245–264].

²¹ Art. 74 *CISG*.

²² Хотя буквально ст. 7.4.4 не ограничивает действие предвидимости убытков какой-либо формой вины, но толкование, приведенное на официальном сайте УНИДРУА, говорит в пользу обратного понимания. Available at: <https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf> (дата обращения: 10.02.2020)

²³ Art. 9:503 *PECL*.

²⁴ Art. 3:201, 4:102(1) *PETL*.

²⁵ Статья 2:102(1) *PETL* гласит: «Объем защиты интереса зависит от его природы: чем выше его ценность, точность определения и очевидность, тем более широкой должна быть его защита».

Характерной и пронизывающей весь текст *PETL* особенностью пяти европейских документов выступает повсеместная судебная дискреция в отношении снижения заявленных убытков. Она принадлежит суду в многочисленных случаях: при уменьшении стоимости возмещения с учетом имущественного состояния деликвента²⁶; при возможных разумных действиях истца по уменьшению ущерба и расходов, им произведенных²⁷; при снижении заранее исчисленных убытков, названных заблаговременно определенной выплатой при неисполнении, когда по общей концепции твердая сумма причитается без измерения потерь и разрушительности последствий²⁸; при обязанности предвидеть размер ущерба (ст. 9:503 *PECL*).

Другой характеристикой регулирования, которая имеет большое практическое значение, является разница в воплощении принципов полного возмещения при несоблюдении договорных условий и причинении вреда. При нанесении последнего определение взыскания, если присуждаются убытки, происходит, как если бы не было вредоносного действия, а не как если бы обязательство, которое по российскому праву возникает в силу появления такого ущерба, было исполнено добровольно²⁹.

В регулировании деликтов и договоров английское влияние просматривается в приоритетности присуждения финансовых выплат перед принудительным исполнением обязательства [Burrows A., 2017: 972–973]. Мы выделили ряд принципиальных подходов в связи с этим. В европейском праве деликт не порождает обязательства. Этот термин в *PETL* отсутствует. Но декларируется соответствующая правовая связь при причинении вреда не имуществу и личности (как в России), а интересу. Отсюда важное следствие: исправление вреда, починка, замена, восстановление вещей возможны в качестве запасного, а не приоритетного средства правовой защиты. Статья 10:104 *PETL* устанавливает, что вместо убытков восстановление в натуре может быть истребовано пострадавшей стороной в той мере, в какой это «возможно и не является обременительным для другой стороны»³⁰. По причине наличия данного положения можно себе представить, что требования о восстановлении в натуре были, есть и будут довольно редкими.

Разумеется, и любые последствия причинения вреда в *PETL*, например немонетизируемый ущерб³¹, влекут денежную выплату. Немонетизируемый

²⁶ Art. 10:401 *PETL*.

²⁷ Art. 9:505(1) *PECL*. Аналогичные положения содержатся в ст. 7.4.8(1) *PICC* и ст. 77 *CISG*.

²⁸ Art. 9:509(1) *PECL*.

²⁹ Art. 10:101 *PETL*.

³⁰ Art. 10:104. *PETL*.

³¹ Он определяется как ущерб здоровью, достоинству, свободе или другим правам, связанным с личностью (ст. 10:301(1) *PETL*).

вред компенсируется только финансовым способом: такова его природа, но и при повреждении вещей в *PETL* не предусмотрены так называемая автоматическая замена или исправление причиненного должником.

В понятие немонетизируемого ущерба, в частности, входят смерть и личные увечья (ст. 10:202 *PETL*). Здесь возмещение безальтернативно — денежная компенсация. Чтобы дать представление о разграничении с категорией монетизируемого вреда, отметим, что при увечьях потерянная заработная плата, медицинское сопровождение, утрата дохода выступают его разновидностью³², а страдания жертвы и ее близких людей³³ сюда не относятся. В российском праве предусмотрен моральный вред (ст. 151 ГК РФ). На уровне судебной практики признано, что он может быть взыскан в связи с утратой родственников, но не вследствие их увечья, хотя в узком смысле вред личности истца при этом не наносится.

Предпочтительность денежного исполнения в контрактных отношениях прослеживается столь же явно. Несмотря на текущее нарушение обязательств, кредитор по денежному требованию всегда может взыскать причитающиеся ему платежи и эквивалент стоимости денег в виде процента по краткосрочным необеспеченным кредитам в месте нахождения кредитора³⁴. Таким образом поддерживаются стоимость и большая исполняемость финансовых обязанностей по сравнению с другими. Для этого кредитор должен придерживаться всего двух условий: не заключать замещающую сделку и продолжать делать имущественное предоставление должнику (ст. 9:508 во взаимосвязи с ст. 9:101 *PECL*). При этом существует широкое усмотрение судов на предмет того, стало ли такое исполнение кредитора неразумным (ст. 9:101(2) *PECL*).

В европейском праве (по совокупности приведенных документов) не всегда можно требовать натуральное исполнение по контракту. Нельзя во все взыскивать его, если его можно получить из другого источника, оно стало обременительным для должника, оно не заявлено оперативно и т.д.³⁵ На институт убытков, его универсальность, действенность оказывает влияние режим денежного обязательства. Оно взыскивается, если кредитор испол-

³² Art. 10:202(1) *PETL*.

³³ Art. 10:301(1) *PETL*.

³⁴ Art. 9:508(1) *PECL*.

³⁵ Так, ст. 7.2.2 *PICC* гласит: «Исполнение или, где это уместно, принудительное исполнение является неразумно обременительным или чрезмерно затратным... Сторона, которая вправе получить исполнение, может разумно получить его из другого источника... Исполнение носит исключительно личный характер... Сторона, имеющая право на получение исполнения, не потребовала его в разумное время после того, как она узнала или должна была узнать о неисполнении».

нил свою часть, с прибавлением ставки по краткосрочному кредиту³⁶, в то время как принудительное осуществление неденежного требования происходит с оговорками.

2. Другие особенности присуждения убытков в европейских актах унификации обязательственного права

Европейская концепция внедрила значительное ослабление фундаментального принципа *pacta sunt servanda* путем революционного пересмотра института выхода из договора. Континентальные национальные правовые порядки оставляли исключительно за судом прерогативу оценивать, имело ли текущее отклонение от исполнения фатальный или неустранимый характер и можно ли расторгнуть сделку по требованию или нет.

PICC установили: при неисполнении, односторонне оцениваемом как «фундаментальное»³⁷, договор расторгается уведомлением³⁸. В них сказано, что, если даже речь не идет о так называемом существенном нарушении, кредитор всегда может направить оповещение о предоставлении отсрочки. До истечения этого периода он может требовать убытки, а после — расторгнуть сделку или даже сказать, что она автоматически прекращается по прошествии установленного отрезка времени. При этом, по общему правилу, он может быть любым³⁹. Нужно отметить, что такая несвязанность договором, ведущая свое начало от английского права, является феноменальной. Но, с другой стороны, она служит ответом на возрастающую динамику именно коммерческого, а не вообще имущественного оборота и отражает значимость правового регулирования. Бытовые же договоры уходят в область законодательства о защите прав потребителей⁴⁰. Сделки между гражданами теперь заключаются сравнительно редко.

Возникает закономерный вопрос: как быть, если нарушение алгоритма исполнения настолько ничтожно, что с трудом можно определить, имело ли оно место вообще? Представим на минуту задержку исполнения на совсем короткий срок, которая автоматически завершает контрактные взаимоотношения тогда, когда стороны уже активно обменялись имущественными

³⁶ Art. 7.4.9(2) PICC.

³⁷ Art. 7.3.1(1) PICC.

³⁸ Art. 7.3.2(1) PICC.

³⁹ Art. 7.1.5. PICC. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2502899> (дата обращения: 10.02.2020)

⁴⁰ См. официальный сайт УНИДРУА. Available at: URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (дата обращения: 11.02.2020)

предоставлениями. Внедрение этой концепции, на первый взгляд, чревато дезорганизацией коммерческих связей. Вместе с тем, следование вышеупомянутому правилу сопровождается новым, усиленным значением института убытков. Последние, по *PECL*, состоят из неденежных потерь, будущих убытков, которые с разумной вероятностью произойдут⁴¹, но при легкой небрежности они должны быть разумно предвидимы как результат неисполнения (ст. 9:503 *PECL*) [Садиков О.Н., 2016: 205]. Довольно известным ограничителем будет способствование пострадавшей стороны появлению ущерба или увеличению его размера⁴². При денежных непоступлениях, рассматриваемых отдельно, кредитор взыскивает от их номинала ставку краткосрочного кредита и любые иные убытки (ст. 9:508 *PECL*).

В *PETL* прямо отражено, что убытки присуждаются как денежный эквивалент некоего упущения, как если бы вред интересу, охраняемому в зависимости от его природы, места не имел⁴³. При этом компенсация ущерба утраченного выступает как базовое средство правовой защиты, а возмещение в натуре происходит по особому требованию, необременительному для ответчика (ст. 10:104 *PETL*).

Натуральное исполнение не ограничивается только совершением того, что ожидалось, — оно применяется также в виде возложения на ответчика последствий от собственных трат на исправление в натуре⁴⁴. Такой важнейший правовой инструмент, как возложение убытков, охватывает и компенсацию на «восстановление неполученных выгод» при нарушении конфиденциальности, в случаях недобросовестного ведения или прерывания переговоров⁴⁵.

Убытки в полном объеме присуждаются в пользу несведущей стороны сделки, противоречащей фундаментальным принципам правопорядка или заключенной в нарушение императивных правовых норм⁴⁶, а также если лицо было обмануто, оказалось жертвой угрозы, навязывания условий и

⁴¹ Art. 9:501(2) *PECL*.

⁴² Art. 9:504 *PECL*.

⁴³ Статья 10:101 *PETL* указывает: «Убытки — это денежный платеж с целью компенсации пострадавшей стороны... для восстановления в той мере, в какой это могут сделать деньги, ее положения, как если бы правонарушение не было бы совершено...».

⁴⁴ «Пострадавший... взыскивает дополнительные расходы, им понесенные, если это разумно» (ст. 10:203(1) *PETL*). Available at: <https://petl.readthedocs.io/en/stable/> (дата обращения: 12.02.2020)

⁴⁵ Arts. 2:301–2:302 *PECL*.

⁴⁶ Статья 15:101 *PECL* гласит: «Договор не имеет юридической силы в той мере, в какой он противоречит фундаментальным принципам права членов Европейского союза», — а согласно ст. 15:105(1) Принципов, «сторона контракта, не имеющего юридической силы в соответствии со статьями 15:101, 15:102, может взыскать убытки с другой стороны...» (ст. 15:105(1) *PECL*). См.: [Michaels R., 2014: 643–668].

др.⁴⁷ На усмотрение суда остается возложение на ответчика потерь, возникших при неточности (неправильности) информации⁴⁸ или ошибке, повлекшей заключение договора, из которого впоследствии потерпевшая сторона может выйти путем простого уведомления. Возмещение утрат положено третьему лицу агентом, если он действовал без полномочий от принципала⁴⁹.

Компенсация сопутствует любому неисполнению, кроме обстоятельств вне контроля причинителя (ст. 9:501(1) *PECL*). В договорных отношениях нет такого значения вины для возмещения убытков, которое все еще имеется в аналогичных ситуациях в законодательстве РФ. Вместе с тем, оно является определяющим в ряде ситуаций. Согласно *PECL*, любое умышленное неисполнение делает нарушение договора фундаментальным (т.е. существенным)⁵⁰. При ненамеренном игнорировании и грубой небрежности не применяется условие о предвидимости возмещаемых убытков (ст. 9:503 *PECL*).

Мы также хотели бы выделить два положения, которые при определенных ситуациях являют собой пример достаточно совершенной юридической техники. Это особенно рельефно проявляется при сравнительном анализе с аналогичными нормами ГК РФ. В российском праве абзац второй п. 2 ст. 393 ГК РФ позволяет взыскивать убытки в объеме, как если бы обязательство было исполнено надлежащим образом, и ст. 15 устанавливает возмещение потерь для полного восстановления субъективного гражданского права. *PECL* дают иной критерий: как если бы договор был исполнен надлежащим образом. Согласно ст. 9:502, «общий размер убытков равен сумме, которая ставит пострадавшую сторону в положение, наиболее близкое к тому, которое она занимала бы, если бы договор был исполнен надлежащим образом».

Очень часто контрагенты не следуют алгоритму разрыва соглашения; тогда требующий прекращения сделки получает преимущество (как инициировавший путем выхода из договора прекращение обязательства). Если от реализации договора ожидалась определенная выгода, то уже не так важно, остаются ли некоторые обязательства в силе после его прекращения или нет. Убытки тогда должны заявляться как совокупный негативный итог, не в привязке только лишь к отдельному обязательству, но к контракту в целом. Претензия об ущербе и неполученном стимулирует согласование взаимных новых обязанностей, устраняет существование их в прежнем виде, когда прошло время, установленное контрактом. Такая формула убытков (как если бы весь договор был исполнен надлежащим образом, а не только

⁴⁷ Art. 4:117(1) *PECL*..

⁴⁸ Arts. 4:104, 4:106 *PECL*.

⁴⁹ Art. 3:204(2) *PECL*.

⁵⁰ Art. 8:103 *PECL*..

применительно к обязательству (п. 2 ст. 399 ГК РФ)) представляется более рациональной, по крайней мере, более обобщающей, может быть, даже более удобной.

PECL реципировали другой важнейший институт английского права, а именно, заранее исчисленные убытки [Benjamin P., 1960: 600–627] (ст. 9:509(1) *PECL*). Согласованный платеж за неисполнение в ГК РФ (ст. 406.1) называется «возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств». В п. 1 ст. 406.1 ГК РФ говорится: «Стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной (*потери, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т.п.*). Соглашением сторон должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения» [*курсив мой.* — Ю.М.]. В *PECL* причина неисполнения неважна. Это может быть и форс-мажор; правда, чрезмерные суммы денежных выплат снижаются во всех случаях судом⁵¹.

Попробуем разобраться в том, какое значение имеет включение такого инструмента, как заранее исчисленные убытки, в *PECL*. Полагаем, что введение абсолютной ответственности в виде рассчитанного ущерба, когда помимо виновного поведения риски, в чем бы они ни состояли, несет давшая правовое обещание сторона, более того, в заранее определенном размере, — прогрессивный шаг. Напрашивается аналогия со штрафной неустойкой, с той лишь разницей, что такая неустойка не взыскивается ввиду чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств, так как отпадает общее основание ответственности. Кроме того, она снижается при явной несоразмерности, если на таковую ссылается ответчик-коммерсант, и при необоснованной имущественной выгоде пострадавшей стороны.

Подытожим: представляется, что положение *PECL* о заранее исчисленных убытках — аналог новой ст. 406.1 ГК РФ о возмещении потерь. Эта статья содержит три нововведения, которые идут вразрез с неуклонно развивающейся цивилистической теорией. Первое и главное: суд не может снижать оговоренную величину, даже если она частным соглашением сторон определена в размере, не соотносимом с ожидавшимся неисполнением (п. 2 ст. 406.1 ГК РФ). Второе: выплачиваемую сумму будущих и происшедших потерь нужно назначать не за нарушение обязательств. Третье и, если так

⁵¹ Art. 9:509(2) *PECL*.

можно выразиться, «самое особенное» нововведение заключается в факторе способствования потерпевшим увеличению размера потерь. Только он позволит уменьшить объем выплат.

Усмотрение правоприменителя в делах об убытках, происходящих как в договорных отношениях, так и в результате совершения деликтов, находит выражение в широком применении критериев разумности⁵², добросовестности и «честной практики» (*fair dealing*)⁵³. В ст. 3:201(b) во взаимосвязи с ст. 2:102(1) *PETL* суду вменяется возможность варьировать объем присуждения в зависимости от сущности охраняемых интересов. Если объектом нарушенных прав оказываются жизнь, физическая неприкосновенность, достоинство, человеческий рассудок, свобода, то истец должен получить «более широкую защиту»⁵⁴. На условном втором месте стоит результат от вреда умышленного⁵⁵. На третьем — имущественные права и бестелесное имущество⁵⁶. Оговаривается, что права на защиту так называемых чистых экономических интересов, возникающих вследствие контрактных взаимоотношений, зависят от «непосредственности причинной связи между деликтом и потерпевшим лицом»⁵⁷.

Каузальность прослеживается между неправомерным действием и вредом. Формулировки европейского регулирования дают основание считать, что не только вещи, но и имущественные блага могут оберегаться инструментом деликтных требований.

В ст. 1064 ГК РФ сказано, что платит тот, на кого право возлагает ответственность компенсировать ущерб⁵⁸. Мы считаем, что по российскому регулированию работодатель, опекун, родитель отвечают вместо *de facto* причинителя, а помешавшее исполнению договора третье лицо, которое, например, воспрепятствовало получению выгоды, — нет, поскольку здесь вреда имущественному праву может не быть. По мнению ряда представителей отечественной доктрины, контролирующие лица, не находясь в отношениях с кредитором, отвечают по канонам о деликтной ответственности [Егоров А.В., Усачева К.А., 2013]; [Гутников О.В., 2016], но нет нормы о санкциях за вредоносное поведение представляемого лица. Для его привлечения правоприменитель должен расширительно толковать положение о совместном причинении вреда (ст. 1080 ГК РФ).

⁵² Art. 4:102(1) *PETL*.

⁵³ Art. 8:109 *PECL*.

⁵⁴ Art. 2:102(2) *PETL*.

⁵⁵ Art. 2:102(5) *PETL*.

⁵⁶ Art. 2:102(3) *PETL*.

⁵⁷ Art. 2:102(4) *PETL*.

⁵⁸ Аналогичное положение мы видим в ст. 1:101(1) *PETL*.

Несмотря на выход Великобритании из ЕС, английская юридическая терминология продолжает играть главенствующую роль. Большое значение в связи с этим имеют уяснение смысла ключевых понятий и сравнение их с российскими. Универсальным термином *PECL* для обозначения убытков выступает слово «damages», употребляемое во множественном числе для подчеркивания многообразия обозначаемых им потерь⁵⁹. Понятие «damages» раскрывается через концепт «loss» (ст. 9:501 *PECL*) (буквально — «утрата»). В *PICC* объем убытков («damages») расширяется и охватывает потерю практически реализуемых шансов (loss of a chance), которые иногда рассчитываются пропорционально вероятности⁶⁰, например 25%, 50%.

В официальном комментарии к *PICC* написано, что «убытки включают понесенные потери, в том числе упущенную выгоду», но при этом не используется термин «damage», а только «harm». В *CISG* слово «damage» употреблено только в двух статьях, которые посвящены риску потери или повреждения товаров (ст. 66 и 68). Здесь концепт «damage» тяготеет к российскому понятию «ущерб», куда упущенный доход (loss of profit) не входит. Вместе с тем, в отечественном законодательстве существует понятие «реальный ущерб», которое уже категории «ущерб», включающей, в том числе и моральную его разновидность. В *PETL* дается схожее деление убытков на материальный и моральный вред (harm)⁶¹. В ст. 10:101 *PETL* есть определение убытков как цены потерянного; аналогичным образом и в ст. 15 ГК РФ — это «расходы, которое лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести». В европейских источниках прямо указано, что общая категория убытков включает нематериальную их разновидность, что следует учитывать при задействовании данного средства правовой защиты.

⁵⁹ В единственном числе этот термин встречается только в трех фразах: «The running of the period of prescription is suspended as long as the creditor does not know of, and could not reasonably know of: (a) the identity of the debtor; or (b) the facts giving rise to the claim including, in the case of a right to damages, the type of *damage*» («Течение давности приостанавливается, пока кредитор не знает и не может разумно знать: (а) о личности должника или (б) о фактах, порождающих право требования, включая, в случае права требования возмещения убытков, вид ущерба») (ст. 14:301); «Solidary obligations also arise where several persons are liable for the same *damage*» («Солидарные обязанности также возникают, когда несколько лиц несут ответственность за один и тот же ущерб») (ст. 10:102(2)); «If two or more debtors are liable for the same *damage* under Article 10:102(2), their share of liability as between themselves is determined according to the law governing the event which gave rise to the liability» («Если два или более должника несут ответственность за причинение одного и того же *ущерба* в случае, предусмотренном статьей 10:102(2), доля ответственности каждого из них определяется в соответствии с законом, регулирующим событие, повлекшее ответственность») (ст. 10:105(2)).

⁶⁰ Art. 7.4.3(2) *PICC*. Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (дата обращения: 13.02.2020)

⁶¹ Art. 2:101 *PETL*.

Напрашивается общий вопрос: насколько нормативные решения *PECL* и *PETL* дают основания для модернизации текста ГК РФ? Сначала оговорим то, что со всей очевидностью не подходит, — это отмена презумпции виновности при деликтах, степень свободы, позволяющая ликвидировать связанность договором. К таким нововведениям российский правовой порядок явно не готов. Можно позаимствовать следующие правовые механизмы: платеж за простое неисполнение, уменьшаемый судом в радикальных случаях; варьирование объема ответственности в зависимости от степени вины; предпочтительность и еще бóльшая универсальность возмещения убытков как лучшего средства правовой защиты в коммерческом обороте.

3. Концепция убытков по ГК РФ

В России принята обновленная концепция регулирования убытков. Их возмещение выделено в качестве центрального способа правовой защиты. Статья 12 ГК РФ содержит упоминание таковых, а последующие нормы (ст. 13–16.1) дают детализацию пяти из них. Возмещение убытков (ст. 15) — единственное универсальное средство судебного воздействия. При этом с принятием части первой ГК РФ впервые в отечественном законодательстве оно перенесено в общую часть⁶², а ранее использовалось только применительно к обязательствам. Важной отличительной чертой рассматриваемого института является его субсидиарность при нанесении повреждений, так как он задействуется вследствие неисполнения обязательства в связи с вредом имуществу. Ввиду этой характеристики отечественное понятие компенсации убытков расходится с европейской парадигмой внедоговорной ответственности. Рамки настоящей публикации не позволяют привести иные точки зрения, которые сильно отклоняются от буквального смысла закона (ст. 1082 ГК РФ).

ГК РФ содержит три нововведения, за долгие годы не нашедшие должного отклика в судебной практике, и получившие незаслуженно малое освещение в теории гражданского права.

Цель возмещения — это полное восстановление нарушенного права, а не только имущества. В европейских документах используется в основном формулировка «as nearly as possible» («насколько это возможно»). Убытки, взыскиваемые за ущерб репутации, срыв возможности купить товары по заключенному договору ниже рыночной цены, в случае их компенсации не возвращают потерянного имущества, а замещают утраченную ценность субъективного права, эквивалентную будущим расходам на приведение в

⁶² Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.

прежнее состояние делового имиджа и пр. Контрагенты, не получившие товары по привлекательной стоимости, не испытывают ни реального ущерба, ни упущенной выгоды согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ. Вместе с тем, они вправе взыскать разницу между рыночной и более низкой контрактной ценой — это расходы на восстановление нарушенного права.

Следующим, бесспорно, революционным положением надо считать вероятностный характер упущенной выгоды, вытекающий из формулировки о том, что она может составлять доходы, «которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено». Судебная практика проникалась этим тезисом постепенно, начиная с введения в ст. 393 ГК РФ п. 5 об обязанности суда самостоятельно определить величину убытков⁶³. Однако тема настоящей публикации — сравнительный анализ нормативного регулирования убытков, а не судебная практика и ее подходы.

Завершающим системным изменением, позволившим заложить основу нового понимания концепции «убытки», выступает абзац второй п. 2 ст. 15 ГК РФ: «Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы». Упомянутые европейские акты подобного регулирования не содержат.

Представляется, что вышеупомянутые нововведения создают более широкие возможности для использования института возмещения убытков, не быстро, но неуклонно реализуемые правоприменителями в России. Вместе с тем, мы видим, что законодательный импульс с целью придания нового, главенствующего значения именно возмещению убытков среди других средств защиты прав пока не достигает цели.

Более детальное регулирование убытков осуществляется применительно к обязательствам. Такие условия, как презумпция вины, критерии достоверности и разумности, учитываемые при определении величины убытков, включены только в гл. 25 ГК РФ. В абзаце втором п. 1 ст. 393 выражен принцип универсального возмещения убытков: «Если иное не установлено законом, использование кредитором иных способов защиты нарушенных прав, предусмотренных законом или договором, не лишает его права требовать от должника возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства». Это означает, что обратиться к искам об убытках можно не только тогда, когда это прямо предусмотрено в нормах, которых в ГК РФ множество, но и в любых других случаях, прямо не урегулированных. Если раньше необходимо было установить для этого, по

⁶³ Федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 09.03.2015. N 10. Ст. 1412.

крайней мере, неисполнение обязательства и наличие имущественных потерь, то теперь (по букве регулирования) требуется лишь нарушение права и возможность его восстановления хотя бы в виде компенсации произведенных расходов, и доказательств их несения не нужно. В предусмотренных ГК РФ случаях предполагается возмещение убытков и в результате правомерного поведения — за разрешенный выход из договоров (поручения, оказания услуг, подряда, комиссии, простого товарищества), отзыв автором произведения, определенные действия правообладателя и т.д. В довершение благоприятного режима, создаваемого законодателем для задействования института убытков, он не ограничивается условием их предвидимости, прямо предусмотренным во всех европейских документах.

Впрочем, законодательные предпосылки к легкому использованию требований о взыскании убытков не привели за почти 30 лет существования ГК РФ к их преобладанию в судебных делах и третейских разбирательствах.

Заключение

Подводя итог, нужно сказать, что европейское регулирование вобрало в себя решения и институты англосаксонской системы права. Мы не беремся сказать, хорошо это или плохо, когда привычные инструменты радикально трансформируются в некие гибридные средства, которые «обкатаны» в правовой системе, где главенствует судебный прецедент в его многообразной интерпретации юристами-практиками, судьями, адвокатами. С точки зрения практики полезным представляется разбор европейского опыта и результатов использования концепции убытков, сложившейся в континентальном праве. Стимулирование тяжущихся к искам об убытках способствует усилению культуры улаживания споров, для которой аргументация и правовое обоснование позиций играют наиболее важную роль. Это будет иметь результатом накопление дальнейшего юридического материала в виде публикуемой судебной практики, которую еще шире и увлеченнее можно будет использовать в науке, что приведет к выходу еще большего количества публикаций, увеличению их содержательности и повышению качества при изложении проблемных вопросов взыскания убытков.

Особое внимание к требованиям о компенсации понесенного ущерба и неполученной выгоды будет иметь следствием ощутимую процессуальную экономию, так как обычно крупные споры сопровождаются множеством исков вовлеченных субъектов, в то время как дело об убытках, даже одно, может их, по сути, соединить и заменить, так как здесь подводятся финансовые итоги взаимоотношений сторон. Хотя и более объемные, такие дела вбирают в себя все спорные вопросы, как-то: о правовой силе оспариваемых сделок, встреч-

ных требованиях, цене нарушения и др. Здесь же анализируются важнейшие аспекты вины, независимо от того, коммерческий или нет, например просто корпоративный, характер носят отношения сторон конфликта.

Институт возмещения убытков является главным во всем гражданском праве и настоятельно требует развития и улучшения.

Библиография

Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник ВАС РФ. 2014. N 6. С. 4–21.

Байбак В.В. Утрата благоприятной возможности (loss of a chance) как разновидность договорных убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. N 5. С. 63–73.

Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ // Адвокат. 2016. N 9. С. 5–13.

Егоров А.В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. N 12. С. 6–61.

Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (начало) // Вестник гражданского права. 2017. N 5. С. 173–228.

Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 226 с.

Садиков О.Н. Модельные правила европейского частного права / Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. ст. М.: Статут, 2016. С. 200–211.

Сераков В.В. Сравнительно-правовой анализ предвидимости убытков как способа ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2016. N 4. С. 159–184.

Benjamin P. Penalties, Liquidated Damages and Penal Clauses in Commercial Contract: A Comparative Study of English and Continental Law. *International & Comparative Law Quarterly*, 1960, issue 4, pp. 600–627.

Burrows A. *Oxford Principles of English Law: English Private Law* / ed. by A. Burrows, D. Feldman. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017, 3104 p.

Hesselink M. The Principles of European Contract Law: Some Choices Made by the Land-o Commission. *Global Jurist Frontiers*, 2001, no 1, pp. 5–95.

Komarov A. The Limitation of Contract Damages in Domestic Legal Systems and International Instruments / *Contract Damages: Domestic and International Perspectives* / D. Saidov and R. Cunnington (eds.). Oxford: Bloomsbury, 2008, pp. 245–264.

Michaels R. The UNIDROIT Principles as Global Background Law. *Uniform Law Review*, 2014, vol. 19, no 4. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2502899> (дата обращения: 12.02.2020).

Nicholas B. *The French Law of Contract*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1992, 292 p.

Perillo J. *Unidroit Principles of International Commercial Contracts: the black letter text and a review*. *Fordham Law Review*, 1994, no 2, pp. 281–344.

Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki. 2021. No 2

Damages Recovery Claims Regulation in Civil Code of RF and in Principles of European Contract and Tort Law

Yuri Monastyrsky

Associate Professor, Sevastopol State University, Doctor of Juridical Sciences. Address: 33 Universitetskaya Str., Sevastopol 299053, Russia. E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Abstract

Liability constitutes a key concept of the Civil Law science. Its universal implication lies in the monetization of another person's negative property consequences and the assignment of its financial results to the complicit party. In the present paper the evolution of the said legal institution is reviewed. At the dawn of our civilization the liability manifested a response to a non-compliance with prescriptions of law and represented a fine to be paid in a multiple amount of the loss. As our society progressed, we started classifying the monetary repressions into civil and criminal liability, into liability acting as a response to personal affronts and liability for failure to perform contractual or non-contractual property obligations. At the same time penalty failed to restore one's financial position in some cases and, conversely, allowed for abuse of rights. Another way of legal protection became widely adopted — damages for losses. The concept of loss of profit was also accepted into widespread professional use as an important component of damages. The Russian Civil Code provided for the development of the said instrument, as it was defined as "future losses for the restoration of the violated right". Unfortunately, at the present time it does not find a widespread application among litigants. Judges also fail to comprehend such a broad understanding of possible damages. The comparison between the traditional and modern concepts regarding this issue found its reflection in the corresponding chapter. The structure of gross domestic product (GDP) with prevailing services sector is the economic parameter of the post-industrial society and its fundamental attribute. The civil liability of service producers is of a much stricter nature. For instance, they are forced to pay damages for a rightful unilateral repudiation of the contract, no matter customers are citizens or not, whereas the legal tradition prescribes to pay damages only if the party acted in breach of law. In the present work the author draws a conclusion on the increasing importance of damages and their new role.

Keywords

liability, damages, civil law, fault, PETL, PECL, actual damages, loss of benefit, loss of chance, specific performance.

Acknowledgments: The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the NRU HSE academic publications.

For citation: Monastyrsky Yu. E. (2021) Damages Recovery Claims Regulation in Civil Code of RF and in Principles of European Contract and Tort Law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 87–108 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.87.108

References

- Baybak V.V. (2014) Causal relationship as a condition of contractual liability: comparative legal sketch. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda*, no 6, pp. 4–21 (in Russian)
- Baybak V.V. (2015) Loss of a chance as a type of contractual losses. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudia*, no 5, pp. 63–73 (in Russian)
- Benjamin P. (1960). Penalties, Liquidated Damages and Penal Clauses in Commercial Contract: A Comparative Study of English and Continental Law. *International & Comparative Law Quarterly*, issue 4, pp. 600–627.
- Burrows A. (2017) Oxford Principles of English Law: English Private Law, A. Burrows, D. Feldman (eds.). 3rd ed. Oxford: University Press. 3104 p.
- European Group on Tort Law (2005) Principles of European Tort Law: Text and Commentary. Vienna: Verlag Österreich. 282 p.
- Egorov A.V., Usacheva K.A. (2013) Subsidiary liability for bringing to bankruptcy — an unsuccessful equivalent of the Western doctrine of lifting the corporate cover. *Vestnik Vysshegi arbitrazhnogo suda* no 12, pp. 6–61 (in Russian)
- Gutnikov O.V. (2016) Subsidiary liability in the legislation on legal entities: the need for reforms. *Advokat*, no 9, pp. 5–13 (in Russian)
- Hesselink M. (2001) The Principles of European Contract Law: Some Choices Made by the Lando Commission. *Global Jurist Frontiers*, no 1, art. 4, pp. 5–95.
- Komarov A. (2008) The Limitation of Contract Damages in Domestic Legal Systems and International Instruments. *Contract Damages: Domestic and International Perspectives*. D. Saidov and R. Cunnington (eds.). Oxford: Bloomsbury Publishing, pp. 245–264.
- Kozioł H. (2017) Harmonization and fundamental issues of European tort law (beginning). *Vestnik grazhdanskogo prava*, no 5, pp. 173–228 (in Russian)
- Michaels R. (2014) The UNIDROIT Principles as Global Background Law. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=2502899> (accessed: 12.02.2020)
- Nicholas B. (1992) *The French Law of Contract*. 2nd ed. Oxford: Clarendon. 292 p.
- Perillo J. (1994) Unidroit Principles of International Commercial Contracts: the black letter text and a review. *Fordham Law Review*, no 2, pp. 281–344.
- Sadikov O.N. (2009) *Losses in the civil law of the Russian Federation*. Moscow: Statut, 226 p. (in Russian)
- Sadikov O.N. (2016) Model rules of European private law. Actual aspects of modern practice of international commercial turnover: collection of papers. Moscow: Statut, pp. 200–211 (in Russian)
- Serakov V.V. (2016) Comparative legal analysis of the foreseeability of losses as a way to limit the amount of damage caused. *Vestnik grazhdanskogo prava*, no 4, pp. 159–184 (in Russian)